

18+

ДЕНИС БЕКИН

Странные истории

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Денис Бекин
Странные истории.
повести и рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21576204
ISBN 9785448328336*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Сборник малой прозы, объединяющий в себе несколько мистических историй. Первобытная магия, потусторонние силы и эзотерические силы. Где проходит граница между непознанным и предрассудками? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Проводник	5
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Странные истории повести и рассказы

Денис Бекин

© Денис Бекин, 2016

ISBN 978-5-4483-2833-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проводник

(повесть)

Солнце неторопливо переползает от зенита к горизонту на западе, нагревает песок и камни. По запылённому шоссе со стороны каньона Семинол, заметно превышая скорость, мчится старенький «форд». Редкие заправки, свалки старых машин скоро остаются далеко позади. Со всех сторон наступает выжженная пустыня. Широкая дорога расслаивается, а с севера на юг трассу пересекает Барксдейл-роуд – дорога в никуда. До границы с Мексикой рукой можно подать, если только та рука не отсохнет в раскалённом мареве, заменившем на весь день нормальный воздух.

Я на минуту задумался.

Окружавший покой располагал к монотонному течению мысли. Так размеренно отвечает шорохом нагретый асфальт, гул мотора под капотом и бесконечное шоссе растворяется в полудне, что ты начинаешь слышать себя.

Моя практика провалилась. Не то чтобы проблема, опытный реаниматолог всегда найдёт себе приличную работу, будь ты в Техасе или на Аляске. Не место определяет человека, а совсем даже наоборот. Проблема была глубже намного.

Я стал сомневаться. Жизнь начала казаться тупиком, из которого нет выхода. Бесконечные крысиные бега, поте-

ря веры в собственные силы. Мой приятель по колледжу и партнёр по воскресным вылазкам в гольф-клуб, Сэм Шарон, предложил свою помощь.

Никогда раньше не общался с психоаналитиками, как пациент. Причину мы нашли скоро – моё детство. Чушь от первого и до последнего слова, но я был заложником доброго отношения к Сэмми. За сеанс он не взял ни цента. Даже пошутил, что если доведётся, мы сочтёмся.

А год назад в машину Сэма въехал грузовик. Помню, как на столе в операционной лежал обрубок человека. Мой приятель очень хотел жить. Цеплялся за каждую минуту и мы, вдохновлённые этим благородным упрямством, провели часов пять, то теряя его, то обретая вновь и вновь.

А потом кто-то похлопал меня по плечу и разочарованно протянул:

– Не получилось, Джо. Видать, и я тебе тогда не сильно помог, друг.

Я обернулся, но никого не увидел. Сестра Клэр невнятно пробормотала молитву, в её словах мне почудился укор. Сэмюеля Шарона нельзя было спасти. Однако, смириться со смертью, особенно вот такой, очень нелегко.

Медиков принято считать циниками, глупый стереотип. Знаю одного патологоанатома из нью-йоркского госпиталя в Квинс, здоровяк с обритой наголо головой. Так вот он напивается в хлам после смены в первый же выходной, если накануне пришлось анатомировать ребёнка. Говорит, что слы-

шит, как плачут ангелы, а это сводит с ума. В остальном же, спокойный и крепкий парень.

Мой пунктик – люди, которые цепляются за жизнь. Сэм оказался именно таким, и теперь его нет среди живых. А я еду по пустынной дороге в неизвестность.

Выкручиваю руль влево, съезжаю на усыпанную щебнем полосу. Барксдейл-роуд. Седан потряхивает на ухабах. Еще час, если не более того, придётся потерпеть.

Лет шестьдесят назад неподалеку жили шахтёры. Когда медные прииски иссякли, городок обезлюдел, и пустыня прибрала его. Хотя, именно здесь поселился Эскуро, чокнутый идиот или гениальный шарлатан, на чью помощь я рассчитываю.

Может казаться странным, что дипломированный врач ищет ответов у шамана. Но так уж вышло. Простой выбор: психушка или поездка к нему...

В первый раз призрак Сэма пришёл ночью сразу после аварии. Явления яркие и дикие лишили меня нормально-го сна. И очень скоро Кэтлин, моя, теперь уже бывшая жена, стала настойчиво предлагать обследование у специалиста. Она даже договорилась с кем-то в госпитале штата, чтобы меня приняли. А это уже не милый треп на диванчике о том, как ты застал своих родителей в постели за любовными играми... Нет, сука, это шанс оказаться в комнате с мягкими стенами! Ни прописанное успокоительное, ни алкоголь

не могли отогнать мои галлюцинации. Становилось только хуже.

Всё переменял один случай. В ординаторскую ворвалась женщина. На вид ей было лет пятьдесят. Тёмные волосы с проседью, убранные в пучок, смуглая кожа плотное телосложение и мясистые черты лица – наводили на мысль о латиноамериканском происхождении. Гостья с криком вбежала в кабинет и замерла, как вкопанная. Она смотрела мне в глаза и во взгляде её читалась смесь ужаса и удивления.

– Успокойтесь, сеньора, чем я могу вам помочь? – я машинально перешёл на испанский.

– Отдай мне его кольцо, сволочь! – женщина зарыла лицо ладонями и затряслась от накотившей истерики.

– Кольцо? – я с тревогой глянул на телефон внутренней связи, и оценил свои шансы, получится или нет, незаметно вызвать охрану.

– Да... мой мальчик не может уснуть...

– Уснуть... успокоиться... упокоиться, – я вслух перебрал все возможные варианты перевода её слов, – Где ваш сын сейчас?

Мексиканка убрала руки от лица и, стиснув зубы, завывала, протяжно и глухо, как плакальщица на похоронах.

– Мои соболезнования, сеньора, но что я могу сделать? О каком кольце речь? – гадать не приходилось, её сын мёртв.

– Ты забрал его! Эскуро сказал мне! Он всё видел, и я видела тебя на дороге!

– Мэм, если вы и дальше будете бредить и кричать, то мне будет очень трудно решить вашу проблему.

– У, Лоренцо было кольцо, он подарил его Теодоро, нашему сыну... Теперь у меня нет ни мужа, ни сына. Но мне нужно их кольцо. Оно было в день смерти на руке у Тео. Он мне рассказал об этом. Но кольцо забрал врач, который воскрешает мёртвых! Отдай кольцо!

От услышанного я пришёл в состояние лёгкого шока. Что-то заставило меня вникнуть и разобраться в ситуации. У женщины погиб ребёнок, подросток разбился на мотоцикле. И кто-то из медперсонала украл его кольцо, подаренное отцом. Здесь всё вполне понятно. Однако, узнать об этом помогли потусторонние силы. Лурдес, так звали несчастную, после смерти Теодоро стала каждую ночь слышать голос сына. Беспокойные ночи, дурное ощущение присутствия, гнетущее чувство страха и отчаяния. Всё это сводило с ума и причиняло душевные муки. Тогда-то один знакомый и посоветовал ей обратиться к колдуну по имени Эскуро. Метис, живший в пустыне, умел общаться с покойниками и, самое главное, помогал им разорвать связь с миром живых.

Её история звучала странно, но, что напрочь меня увело от реальности, так это внезапно проснувшийся интерес ко всей происходившей у меня под носом чертовщине. Трагедия Лурдес и её сына словно открыла долгое время запертую дверь. Что скрывалось за нею: ужасы внешнего непознанного мира или собственные демоны подсознания? Поиски увлека-

ли настолько, что работа и прежние заботы отошли на второй план. Я постоянно выпрашивал коллег, пациентов и друзей, о чём ни будь необычном. Было неловко признаться в проявившейся тяге к мистике и потусторонним явлениям. Впрочем, до поры удавалось скрывать личные мотивы.

Используя своё положение в больнице и знакомства в окружном полицейском управлении, я смог вычислить того ублюдка из анатомички, что позарился на золотую печатку погибшего месяца назад мотоциклиста.

Им оказался самый обычный санитар, как и несчастный подросток, выходец из Мексики, отсидевший по юности за мелкие кражи член банды Суренте. Парнишка не успел донести добычу до дилера. Умер внезапной и жуткой смертью, вроде бы как от передозировки крэка слетел с катушек, выскочил на дорогу и попал под колёса случайной машины. Кольцо нашли в его квартирке и, разумеется, вернули законной владелице.

А моё увлечение мистическими совпадениями стало только крепче.

В конце февраля я вызвался подменить Филипа Роуза на ночном дежурстве. Старина Роуз должен был отправиться в Хьюстон на свадьбу дочери. Это не вызвало особого неудобства – просто ещё несколько часов без сна.

Однако, ближе к полуночи зазвонил телефон в приёмной. Звонок был будничным, размеренным, не предвещавшим ничего дурного.

– Алло, Роуз?

– Винс, это я, Джордж Кроу. Слушаю.

– О, Джордж, отлично, что ты на смене, – Винсент три года исполнял обязанности помощника шерифа в округе, и за это время успел на зубок выучить имена, телефоны и привычки, всех, кто мог бы пригодиться случись какая беда, – у нас «прыгун», угол Уиллоу-роуд и Смитсупер, белый мужчина, двадцать пять лет, по документам: «Адлер Клейтон», он не из наших мест, прыгнул с крыши ночного кинотеатра. Ноги переломаны, весь в крови.

– Мы уже едем, Винс, – я повесил трубку и тут же набрал внутренний номер.

Ещё минуты две ушло на то чтобы отправить машину с парамедиками на место и распорядиться подготовить операционную.

Завывая сиреной, скорая помощь уехала в сторону кинотеатра, и через пятнадцать минут вернулась обратно к крыльцу на задний дворик. Я набросил халат и зашёл в операционную. Подготовленный наспех стол с матовым серебристым покрытием тускло отражал свет ламп, рядом сутилась сестра Клэр. Предстоящее было нам хорошо знакомым делом и каждый чётко знал свою роль от первого и до последнего взгляда, жеста, слова. Клэр помогла мне надеть перчатки и подготовиться к операции, а через минуту я уже склонился над подключенным к аппарату искусственной вентиляции лёгких парнем. Ему чертовски повезло. Могло быть

и хуже. Переломы рук и ног, множественные ушибы и кровоизлияния, треснувшие рёбра не так уж и критичны, если цел позвоночник и нет лишних дырок в голове.

Оценка увечий заняла от силы 15 секунд, важно было не позволить пострадавшему выпасть в кому или умереть от болевого шока.

– Джордж, я готова, – справа от меня встала дежурный хирург доктор Хелена Харп.

– Приступаем, – я коротко кивнул Клэрис и подоспевшей коллеге.

Время тянулось очень медленно, а когда всё закончилось, на часах было без пятнадцати девять. Давно рассвело. Дежурство закончилось. Несостоявшегося самоубийцу увезли к тяжелобольным. Поблагодарив Хелену и Клэр, я неторопливо вернулся в ординаторскую. Подогрел интерес к жизни парой глотков кофе и так же, на автопилоте, позвонил в офис шерифа, чтобы поставить в известность Винса по результатам операции.

– Джордж, спасибо! Ты молодец, да, сэр, я пришлю кого-нибудь, когда прыгун очнётся, чтобы снять показания...

– Да-да, разумеется, Винс, – мне не терпелось закончить этот день и перехватить пару часов сна, глубокого и без сновидений, – мне, пожалуй, стоит отдохнуть.

– Да, сэр. Удачного дня, док, звоните в любое время, если что.

Едва ли оставались силы вести машину, но глупость –

сестра упрямства... Мой форд тихонько катил по шоссе в сторону западной окраины, из динамика радио сыпал свежими остротами ведущий утреннего шоу, солнце начало припекать и слепить глаза.

Я невольно подумал о том бедолаге. Странное дело, но мысли, до того момента ленивые и усталые, обрели резкость будто под пристальным объективом. Чётко представилась картина, как этот парень выходит на крышу здания, стоит у края, его лицо спокойно и решительно. И, вдруг, звучит голос... он говорит, что всё осознал и готов заплатить. Заплатить... но кому и за что? Прыжок.

Из оцепенения меня вывел резкий сигнал обгоняющего автомобиля. Видимо, я заснул и рефлекторно надавил тормоз и встал, собрав за собой приличный хвост из автомобилей. Водители раздражённо сигналили и объезжали. Из потока машин ко мне подкатил патруль полиции.

Офицер не торопясь вышел и, нарочито громко хлопнув дверью, подошёл ко мне.

– У вас проблема, сэр?

– Нет. Я в порядке, уснул за рулём.

– Весёлая ночь была? От вас пахнет алкоголем...

– Джордж Кроу, реанимационное отделение клиники Сентинг, мы занимались тем парнем из кинотеатра.

Полицейский удивлённо вскинул брови.

– Это всё объясняет, док. Вы вовремя подоспели тогда, я имею ввиду, скорая примчалась на место быстрее, чем мы.

– Что?

– Говорю, кто-то из местных позвонил сразу в госпиталь и ваши коллеги, опередили патруль.

– Позвонил помощник шерифа, Винс... – я осёкся, перехватив пристальный взгляд офицера.

– Сожалею, сэр, но это мало вероятно, – страж порядка, снял очки и доверительно посмотрел мне в глаза, – помощник Винсент О'Рино погиб два дня назад. Сорвался с уступа в каньоне, он там отдыхал с друзьями. Я сожалею, если это вас огорчило, сэр. Вы были знакомы?

– Да...

– Вам, наверное, показалось. Мы сделаем так: езжайте в крайнем правом ряду не более 30 миль в час, а я вас сопровожу до дома.

– Да, спасибо, – в моей голове пульсирующей болью отзывались воспоминания ночи. С кем же я, чёрт возьми, говорил?!

У дома «почётный эскорт» оставил меня, а усталость навалилась с новой силой.

Не помню, как добрёл до кровати и улёгся спать, не раздеваясь. Сквозь сон до моего слуха пробивался свистящий шёпот. Было зябко. Голова кружилась, а ощущения обманывали утомлённый мозг. Казалось, что нечто мрачное и настырное дёргает за ноги и переворачивает с живота на спину, словно стейк для барбекю. Я проснулся рывком. Похоже, что внезапное ощущение тревоги вытолкнуло меня в погра-

ничное состояние сна наяву. В комнате ощущалась прохлада, но на лбу выступила испарина.

Оцепенение сковало тело, превратив его в бесполезный кусок живого мяса. Глаза лезли из орбит в бессильных попытках отвести взгляд. Чья-то злая воля подчинила каждую клеточку моего измотанного организма, и, по странной прихоти, оставила ясный ум, чтобы происходящее вокруг вызывало ещё больший ужас. Страх пришёл внезапной волной следом за паникой сонного паралича. Противный скрип и голоса раздались сначала в моей голове и быстро заполнили комнату. Мелкие шаги, цокот подковок на башмаках, смех и царапанье чем-то острым о стекло сошлись в нереальной какофонии, причиняя мне едва ли не ощутимую боль.

Крики застревали в горле. В этом состоянии я до самой глубины души осознал свою абсолютную беспомощность. Нечто, обладающее колоссальной силой, вторглось в мой сон, если это было сном. Но зачем? Кому я нужен?

– Мне ты нужен, Джордж.

Оставляя за собой багровый след на полу, ко мне ползло ужасное создание. В изуродованном обручке едва ли угадывалось тело молодого мужчины.

Он приближался. Он медленно полз, шаркая и царапая пол. Это могла быть только галлюцинация, но настолько осязаемая, что сердце колотилось, будто всё происходит наяву.

Я знал, что подобные кошмары возникают из-за переутомления. Слабое тело перестает контролировать и фикси-

ровать ощущения. Фобии готовы в одно мгновение вырваться из клетки подсознания и воплотиться в ярком видении. Спасение – просто поддаться, уверить себя, что всё происходящее лишь иллюзия и не более того, не реагировать, не допускать паники.

– Я устал. У меня был трудный день... теперь в голове всякая чепуха... в комнате очень жарко, и я сплю не глубоко... скоро я очнусь и выйду в кухню, чтобы налить стакан воды и одним глотком опрокинуть его. Это восстановит силы... Потом вернусь и усну без сновидений, – я мысленно проговаривал эту формулу, стараясь задавить страх и отвлечь внимание.

– Не отмахивайся, Джордж! Ты знаешь, что у меня мало времени. Тот парень, он будет жить, ему рано к нам. Но он кое-что знает... Поговори с ним, друг. Это важно, я не могу уйти, а ты не знаешь, как меня отпустить.

Голос. Кошмар воспроизвёл голос Сэма. Такое уже случилось... или случается постоянно. Уже почти год я слышу и вижу тех, кого нет среди живых. А сегодня частота моих галлюцинаций просто зашкаливает. Это безумие. Болезнь или проклятие, чтобы то ни было, с каждым разом оно накатывает всё сильнее.

– ДЖО! – незванный гость прорычал что-то неразборчивое и внезапно дёрнул меня за ноги.

Сон мгновенно прекратился. Я сел на кровати и осмотрел-

ся. Часы показывают 6.37 по полудню. За окном, сквозь опущенные жалюзи видна кромка света. В комнате душно. Ни каких следов на полу. Двери закрыты. На прикроватном столике пустой стакан испод виски и пачка сильного снотворного – стандартный набор для тех, кто не в ладах со своим внутренним миром.

В голове роились несвязные соображения. Нужно было освежиться и попробовать выспаться. Лодыжки горели, как кот ожога. Я стянул штаны и тупо уставился на два симметричных синяка. Тёмные отметины похожие на следы от ручников горели и ныли.

Холодный душ и крепкий кофе вернули привычную реальность. Есть ли смысл поддаваться страхам, нужно ли идти на поводу у собственной шизофрении? Даже если образы, рождённые моим больным воображением, так реальны и так осязаемы.

Весь прошедший год я не сидел сложа руки. Да, мы расстались с женой, когда я отказался лечь на обследование. Однако, попыток разобраться в том, что со мной происходит не оставлял. Возможно, это лишь самообман – убеждать себя, что всему виной нервное напряжение и сильные переживания. И в то же самое время собирать слухи о медиумах и искать встречи с ними. Эскуро... этот человек, если он существует, должно быть знает ответ. Решение отправиться в пустыню и найти шамана, чтобы задать свои вопросы зрело во мне долго. Время пришло. Только сначала, я должен

был встретиться с несостоявшимся самоубийцей. Призраки по неведомой причине проявили заботу о нём. Привели ко мне. Винс, да, упокоится его душа, позвонил с того света, чтобы вызвать скорую, а Сэмми явился, как есть, и оставил «сувениры» на моих лодыжках.

Пожив некоторое время в подвешенном состоянии перестаёшь верить в случайности. Всё вокруг подчинено определенному порядку, именно так. Не закономерности, в которой мы следуем программе, и если её нарушить, то вся система слетает с катушек, а суровому порядку. Суть его упрочить взаимосвязи миров и душ, соединять и разъединять их, моделировать, сплетая замысловатый узор, гармоничный, но лишённый шаблона. На каждое действие, равно как и бездействие, следует реакция. Нечто мудрое направляет нас и позволяет нам жить по нашей вере. И мы сами вольны выбирать предпочтительную реальность. Вот почему я отказался признать своё безумие, как болезнь. Всегда удивлялся, столько людей верят в Бога, молятся ему, мысленно обращаются к усопшим родителям или близким людям, спрашивая их совета. Это считается нормальным, но слышать ответы, уже «неправильно». Один священник сказал мне, что не всякому дано различить природу сил пожелавших ответить. Если так, то мне тем более нужен мастер, способный разобраться в этом без теологической мишуры.

Зазвонил телефон, но я не ответил, и с затаённым азартом

решил дождаться автоответчика. Просто, не хотелось утомлять себя пустой болтовнёй.

– Алло, Джо, это доктор Роуз, я вернулся раньше. Спасибо, что прикрыл! Слышал, что ночь выдалась беспокойная. Надеюсь, ты оклемаешься быстро. Я говорил с Ким из реабилитации, вы молодцы! Как сможешь, зайди к ней в корпус, тот дурак из кинотеатра, что-то хотел тебе сказать.

Сообщение записалось. Я начал собираться обратно в госпиталь.

Время – изменчивая единица. Оно, подобно образам в калейдоскопе, принимает очертания в зависимости от множества условий. И малейшее движение способно обрушить сложившийся рисунок. Возникает чувство, что всё это уже было. Что ты следуешь нелепому сценарию, который знаешь на много ходов вперёд, но всё равно неукоснительно следуешь отведённой заранее роли.

По дороге на работу я думал над этим обстоятельством. И, к своему удивлению, отметил, что абсолютно не помню события прошлой недели. При малейшей попытке сконцентрироваться, картинки воспоминаний расплывались. Разумеется, это помутнение было нетрудно списать на царящий в голове бардак из-за навалившихся испытаний и чертовщины. Чего стоит объяснение, когда оно не решает проблему?

На парковке перед клиникой почти не осталось машин. Ночная смена обеспечивается одним, максимум двумя, специалистами и дежурной бригадой парамедиков. А эти ребята

чаще всего организуют что-то вроде графика, устанавливают между собой очерёдность по тому, кто подвозит остальных до работы. И, судя по расцарапанному «шевроле», сегодня очередь Криса Бурхе. Хороший парень, если отбросить его привычку уходить в запой по любому поводу.

Когда родились его близняшки, Крис чуть не лишился работы из-за пристрастия к бурбону. Потом умер его отец. Крис снова поселился в баре у Джерими. Я помню, как мы с Роузом ездили вытаскивать этого идиота, и отмазывали перед координационным советом. Хотя, парень никогда не садится пьяным за руль. Так что можно быть спокойным.

Сумерки уже сгустились. Нагретый за день асфальт отдавал тепло. Пока я шёл от машины к крыльцу, зажглись фонари. Город постепенно погружался в ночь.

Я только взялся за ручку двери, но тут же отпрянул, чтобы не получить по носу. Навстречу мне выбежал Крис.

– О! Джо! Привет! Какой вечер! – он, не церемонясь, схватил меня за руку и стиснул ладонь в рукопожатии. – Док, у вас не будет закурить? Жена прячет от меня сигареты... Я жертва произвола! Сначала она заставила меня ходить на эти чёртовы собрания анонимных алкашей, а теперь готовит мне диетические обеды и запрещает курить...

Крис выглядел взъерошенным, но это скорее походило на норму.

– Да, конечно... – я протянул пачку. – Можешь оставить себе.

– Джо, вы святой человек! Господь вас любит! Кстати, о Боге... тут один пациент из тех, кто спешил к нему, спрашивал о вас.

– Где он сейчас?

– Там же, где и был пять минут назад. На поломанных ногах далеко не сбежишь, сэр.

– Спасибо, отмечусь в регистратуре и сразу к нему.

– Если будет нужна помощь, я ваш должник, – мужчина прикурил и с удовольствием затянулся дымом сигареты.

Я ускорил шаг. Уборщик проходил со шваброй по коридору, в остальном повсюду царила тишина, характерная для ночной смены. В регистратуре, как обычно, поставил подпись в реестре. Зашёл в ординаторскую, где висели халаты. Единственное, не смог отыскать свой бейдж, но кому он нужен, если и так все знают меня в лицо.

Освещение горело в треть мощности. Я не стал ждать лифт и предпочёл размяться, поднимаясь по лестнице на второй этаж.

У входа в палату реабилитации пришлось остановиться и свериться с карточкой: «Адлер Клейтон». Полный набор неудачливого «прыгуна»: «ушибы внутренних органов, переломы рёбер, множественные переломы ног, трещина в позвоночнике...»

Дверь открылась бесшумно. Я смог аккуратно войти и оценить показания аппарата жизнеобеспечения. Состояние стабильное. Судя по всему, парень спал.

Будить его ради безумных вопросов казалось глупым, и я развернулся выйти.

– Джо... Это же ты, Джо? – слова давались ему нелегко.

– Мистер Клейтон. Мы знакомы с вами?

– Нет. Эскуро сказал, что я вас встречу, когда пройду до конца, – он замолчал, словно давая мне время осознать смысл сказанного.

– Я не совсем понимаю вас.

– Да, конечно. Это странно всё. Но я живой, и всё произошло так, как говорил этот старик из закускойной.

– Вы знаете, где находитесь? Помните, что с вами произошло?

– Да, сэр. Я помню всё. Сейчас мне намного лучше. Это лишь ничтожная плата за мои грехи. Искупление.

– Вы бредите... Я позову сестру.

– Джо! В двадцати милях отсюда, если гнать по шоссе до Хьюстона, я встретил старого индейца. Он знал обо мне то, что никто из живых знать не мог. И он увидел за моей спиной Пэнни. Её призрак, если быть точным.

– Что?

– Док. Я совершил много плохих вещей, и за это я должен был расплатиться. Эскуро сказал, что проведёт меня по тропе мёртвых, но вернуться обратно мне поможет врач по имени Джо. Всё, что нужно, это назвать его имя первому духу из тех, кого я повстречаю в сумерках.

– И вы встретили полицейского?

– Да. Он сказал, что позовёт вас.

– Что было потом?

– Я... из-за меня погиб человек, я довёл до самоубийства одну девушку. Мы встречались. А потом она стала навязчивой и... я проявил малодушие, док. Поставил ей условие – что если любит меня, то прыгнет из окна. Там было десять этажей. Никакого шанса. А она? Она спросила, буду ли я с ней вечно, если она докажет свою любовь.

Адлер говорил с долгими паузами. А мне оставалось только слушать его исповедь. Призрак влюблённой девушки по имени Пэнни давно преследовал Адлера. После трагического случая не упокоенная душа её обрела ужасную форму. Кто знает, чем бы всё закончилось, если бы не случайная встреча с загадочным шаманом Эскуро.

– И ещё... сэр, старик сказал, что ждёт вас, – Сменяя друг друга, как выпуски популярного сериала, в голове проносились картинки из прошлого. Мои воспоминания. Некоторое время удавалось сопротивляться назойливым мыслям, будто помехам в радиоэфире. Впрочем, скоро радио перестало принимать сигнал, а в магнитоле, наверное, попала пыль. И голова начала сама себя занимать воспроизведением минувших событий и диалогов, – Барксдейл-роуд, сэр.

Одно название и намёк, что когда-то здесь была или должна была пройти дорога. Но на деле, это бурая полоса в желтовато-серой пустыне. Возможно, палящее солнце меняет восприятие, вытравливает краски из окружающего мира. А мо-

жет, это я перестал воспринимать окружающий мир адекватно.

Ночью не удалось лечь спать. Усталость начала сказываться в заторможенной реакции. Да, я вернулся домой, но провёл всё время, читая подборку местных газет в электронном архиве. Не так уж и прятался этот Эскуро. В своё время он уже успел наследить. Вот что странно – я нашёл выпуск февраля 1957 года, но о нём уже говорят, как о старике.

«Сумасшедший старик из навахо арестован за нарушение общественного порядка. Он называет себя Эскуро и утверждает, что накануне вечером проводил некий обряд своего народа вблизи от городского мемориала...»

Сколько же ему лет на самом деле? А может быть это отец шамана, которого мне надо отыскать. Слишком много вопросов.

Разобраться с этим всем наваждением можно только одним способом. Точнее двумя – но от помещения в психиатрическую лечебницу я давно отказался. Выходило, что без поездки в пустыню не обойтись. На сборы ушло короткое время. Ещё минут пять потратил на звонок в клинику и объяснения с доктором Роузом. Предупредил, что возьму неделю отпуска из-за дурного самочувствия.

Всю дорогу удавалось сохранять самообладание. Я внушал себе, что затея имеет смысл, что это вполне разумное решение. Но кого я пытался обмануть?

А теперь, на этом Богом забытом участке трассы, все мои

сомнения вылезли на поверхность.

Машину подбрасывало от встречавшихся на пути кочек. Приходилось плестись на предельно низкой скорости, чтобы окончательно не угробить подвеску. Там, где я только что проехал, тут же поднималось облако из пыли и песка, которое плотной завесой ещё долго оставалось в воздухе. Сколько ни пытался зацепиться взглядом за что-то примечательное, вокруг были только камни и клочки выгоревшей травы.

Горячий воздух расползлся в дрожащем мареве...

Как вдруг, впереди замаячила тонкая фигура. Вдоль обочины шла девушка. Я удивился и обрадовался одновременно. Быть может, эта случайная попутчица тоже отправилась в пустыню, чтобы разыскать индейца. В любом случае, ехать вдвоём веселее. Мы поравнялись, и тогда воодушевление скоро сменилось шоком.

Это была моя бывшая жена. Кэтлин шла уверенно и даже не думала сбавить темп. Пришлось посигналить, чтобы она обратила внимание. Женщина остановилась и медленно обернулась. Надо признать, вид у неё был странный. Одежда явно не подходила для такой прогулки. Тёплый свитер из тех, что обычно дарят на рождество, пёстрый расшитый оленями и ёлками, синие рваные джинсы и домашние тапочки – вот всё, что было на ней. Ни рюкзака, ни намёка на оставленную где-то неподалёку машину.

– Эй, Кэт, – я опустил окно, – это же ты? Садись ко мне, думаю, это будет кстати.

Она молча открыла дверь и села на заднее сидение.

– Кэт, очень неожиданно встретить тебя здесь, – в зеркало получалось видеть лишь часть лица, то и дело приходилось переводить глаза на дорогу и толком разглядеть её не получалось.

Однако, на заднем сидении была именно Кэтлин Сан. После развода она уехала в Нью-Мексико, к своей сестре. Ни звонков, ни даже писем по электронной почте за целый год. А тут такая встреча.

– Всё в порядке? Ты заблудилась? Я просто подумал, что тебе нужна помощь. Ты же не просто так здесь оказалась. Ищешь Эскуро?

Я проследил за реакцией. Но женщина продолжала сидеть неподвижно. Словно ооченела от холода. Её кожа сейчас казалась мне бледной. Воротник шерстяного свитера закрывал шею до самого подбородка. Было жарко, но Кэт будто вылезла из морозилки. Разве что, от неё не веяло холодом.

– Джо...

Непроизвольно вырвалось грубое слово, так внезапно и жутко было услышать собственное имя после затянувшегося молчания,

– Останови здесь.

– Но, мы и двух миль не проехали...

– Останови здесь! – она произносила, как если бы заколачивала гвозди.

– Могла бы быть чуточку вежливее... – я резко затормо-

зил, и уже обернулся, чтобы продолжить свою гневную отповедь, но на заднем сидении никого не оказалось, – Чёрт! Вот же чёрт! Что за хрень!?

Если это галлюцинации, то самое время выпить успокоительное и перевести дух.

Я открыл бардачок, чтобы вытащить банку с таблетками. Не особо церемонясь забросил три штуки, и, разжевав, проглотил.

– Я схожу с ума.

– Джо... – меня прошиб холодный пот. Голос, прозвучавший над моим ухом, принадлежал Кэтлин.

Я медленно поднял глаза и посмотрел в зеркало. На заднем сидении сидела моя бывшая жена. Она медленно отвернула воротник, чтобы я мог увидеть почерневший кровоподтёк на её шее. Характерный след от верёвки. Видение исчезло, стоило мне только обернуться. От учащённого пульса буквально стучало в висках. Сознание внезапно провалилось в черноту беспомощности.

Когда я снова открыл глаза, вокруг уже была глубокая ночь. Батарейка телефона разрядилась. Часы остановились. Машина не заводилась. Отчаяние медленно подступало ко мне, хотя, разум по-прежнему отказывался принимать простой факт – это самая настоящая западня, и шансы выбраться живым стремительно тают. Размышления прервал стук по стеклу. Удивляться уже не оставалось ни каких мораль-

ных сил – снаружи меня поджидал человек. Высокий мужчина в чёрном костюме. Он спокойно стоял и курил сигарету. Он жестом пригласил выйти и следовать за ним.

Уже несколько часов мы шли пешком. Наверное, я прилично выспался, пока был в обмороке, потому как совсем не ощущал усталости. Оставить машину и плестись неведомо зачем в компании молчаливого странного типа представлялось вполне нормальным решением проблемы. Реальность происходящего вызывала сомнения. Главное в такой ситуации, вовремя догадаться, что перед глазами очередной фантом или иллюзия истощённого рассудка. Если и так, потеря не велика. Умереть в плену собственных видений, уж точно не хуже, чем дожидаться пока взойдёт солнце и запечёт меня в машине. Я бы мог развернуться и идти назад, но дорога словно растворилась в пустыне.

Попытки заговорить ни к чему не привели. Незнакомец словно не слышал обращённых к нему вопросов.

– Вы и есть Эскуро? Знаете, это кажется, очевидным. Мне порядком надоело всё это. Вы понимаете? Если вы не Эскуро, то надеюсь, что не призрак или зомби. Или ещё что-то в этом духе. Хватит с меня мертвецов на сегодня.

Ответа так и не последовало. Мы шли по ночной пустыне. Ссохшаяся почва потрескалась. Верхний слой стал хрупким серым прахом, в котором чётко печатался каждый шаг. Мне невольно подумалось, что вот она – идеальная площадка для съёмок фильма про высадку на Луне. Так тихо было

вокруг, так безжизненно и странно. Прохладный ветер доносил непривычные ароматы горьких трав. Стрекотали невидимые в темноте насекомые.

– Скажи, куда мы идём? Там есть телефон? Мне надо вызвать эвакуатор. Глупая затея...

Время имеет странное свойство, в зависимости от нашего внутреннего состояния оно прихотливо меняет темп. Спрессовывается и обращает в мимолётные вспышки те моменты, что радуют нас. А стоит ему только почуять нашу тоску или отчаяние, и оно сразу обращается в тягучую чёрную смолу.

Я снова огляделся и отметил, что вижу пространство вокруг, так словно наступили сумерки. Но между тем, небо заволокло чёрными непроглядными облаками, и за ними скрылся любой намёк на звёздный и лунный свет. Пустыня сама по себе излучала призрачное сияние. Этого вполне хватило, чтобы осмотреть ещё раз моего проводника.

Он немного меня опережал. Как бы я ни ускорялся, этот человек неизменно шёл на полкорпуса впереди. Если этот чужак и не был Эскуро, то приходился ему сородичем. Индейские черты лица угадывались сразу. Высокие скулы, крупный с горбинкой нос, узкий лоб обтянут широкой повязкой из ткани чёрного цвета, длинные седые волосы по плечо держались неподвижно, будто отлитый из платины парик – всё это лишь усиливало сходство с привычным образом.

Мужчина был немного выше меня, но более худым. По-

саженные глубоко глаза в сумраке отсвечивали жёлтым, как у филина. Он не пугал, а скорее завораживал. Что касается возраста, тут выводы путались – ему могло быть и сорок, и пятьдесят, и шестьдесят.

Наряд абсолютно не вписывался в образ отшельника. Новый чёрный костюм и ботинки того же цвета. На шее вместо галстука был повязан платок. Но он не носил рубашки и тем ни менее выглядел как-то торжественно и даже официально.

– Я бы хотел понять... – в который раз была предпринята попытка разговорить спутника.

– Так пойми, кто тебе мешает, – голос прозвучал насмешливо и никак не походил на старческий скрип или брюзжание, – *Хин'ма'тоо йа'лат'кехт!*

– О! Так вы говорите. Отлично, а что это значит?

– Истина не требует много слов. Что ты хочешь понять, Джо?

– Я был прав! Чёрт возьми! – это было что-то среднее между восторгом и злостью, – А вы умеете заставить понервничать. Господин Эскуро?

Индеец остановился и обернулся ко мне лицом.

– Не иди позади меня – возможно, я не поведу тебя, не иди впереди меня – возможно, я не последую за тобой, иди рядом со мной – и мы будем одним целым. Ты многое видел. Для человека твоего народа это тяжёлое испытание. Люди, которых вы зовёте мексиканцами дали мне это имя. *Я'ат'ээ*, Джо. Можешь пользоваться этим именем. Имена мало зна-

чат в темноте.

– Да, я ожидал чего-то подобного, – мы продолжили идти, – теперь вы расскажете, куда и зачем мы идём?

– Мы идём, Джо. Просто идём. Эта земля не знает тебя. Я бы мог ей спеть о тебе, но сейчас она ничего не хочет слушать, кроме песен дождя. Поэтому надо тебя показать.

– А-а... – ответ озадачивал и обескураживал.

Несвязная болтовня колдуна пугала ещё больше, чем молчание. Ведь, если ему довериться, то ночная прогулка нужна для того, чтобы представить мою персону пустыне. Степень происходящего вокруг бреда явно приближалась к критическому значению.

– Скажи земле: «*Я'ам'ээ*».

– *Я'ам'ээ*... это что-то вроде «привет»?

– Умный, – старик широко улыбнулся и постучал указательным пальцем себя по лбу, но тут же нахмурился и добавил, – не люблю умных, от них только вопросы.

Я не пытался заговорить снова. Чутьё подсказывало, что безумие отшельника может только усугубить моё, и без того плачевное положение. А, следовательно, не надо лишний раз нарываться на неприятности. Рано или поздно он устанет и пойдёт к своему дому. Это же очевидно, что без укрытия и жилища Эскуро не смог бы так долго здесь прожить. Там можно будет перевести дух и подумать, что делать дальше.

Словно подчиняясь ходу моей мысли из темноты выплыли очертания странного вида сооружения. Едва ли его мож-

но было назвать домом. Больше всего оно напоминало обмазанный глиной сарай.

– Пять стен укроют от ветра и койотов. Пять стен защитят от полуденной жары и злых духов. Пять стен – дар Говорящего бога. *Хооган* – дом для того, кто слышит шёпот мёртвых.

– Выбирать не приходится.

За скепсис меня одарили ещё одним взглядом полным презрения.

– Ты спишь у входа. Я принесу тебе одеяло, Джо. В доме тебе места не хватит.

– О, да, ну, брось, старик. Это огромный дом. Знаешь, если ты обиделся, прости меня. День был трудный, и я мог наговорить лишнего. Это прекрасный дом. Это будет необычный опыт... Это, как экотуризм, точно!

– Как много шума от одного человека. Нет. У меня будут гости и тебе там места нет. Мы будем говорить завтра. Заходи, я дам тебе тряпки, чтобы укрыться.

Чтобы войти в хооган пришлось немного согнуться. Узкий коридор выводил в просторное помещение, в центре которого был разложен костёр. Угли едва тлели. Ароматный пахнувший хвоей дым поднимался через специальное отверстие в крыше. По краям у стен были разбросаны циновки, в беспорядке сложены различные вещи и домашняя утварь. Но, вопреки ожиданиям, ни одной живой души кроме нас там не было.

– А где гости?

– Придут, – буркнул старик, и, вручив одеяло из грубой шерсти, вытолкал меня за дверь.

Злость и обида переполняли. Не желая мириться с несправедливостью и мечтая о маленькой ответной подлости в будущем, я привалился спиной к двери и укрылся одеялом.

– Что ж посмотрим, как эти гости пройдут мимо...

Сон пришёл почти сразу. Всё-таки усталость и волнение этого дня оказались сильнее моей решимости проучить шамана навахо. От одеяла пахло мочой и плесенью, но без него становилось нестерпимо холодно. Такая вот шутка природы, одна и та же пустыня за сутки нагревается до 120 градусов по Фаренгейту и остывает до 50. Выбирать не приходилось, и я скоро начал отключаться.

Уже сквозь сон до меня стали долетать обрывки разговоров и смеха. Мало ли что может почудиться, когда уставший мозг настолько перенапряжён, что восприятие искажается. Самый незначительный шорох представляется громким и опасным звуком. Впрочем, это не было похоже на игру воображения. За дверью кто-то был. Я рывком проснулся и прислушался. Действительно, в доме слышались приглушённые удары в барабан и пение. Но не одного, а нескольких десятков голосов. Определённо, внутри находились люди. Но как они могли пройти мимо меня незамеченными. Может быть, пролезли в то окошко для дыма? Но это так нелепо. Я толкнул дверь и шагнул вперёд. Всё так же тлели

угли костра, и их тусклого света хватало, чтобы осмотреться и оценить обстановку. Дом был пуст. Абсолютно. Даже вещи куда-то пропали.

– Эскуро? Где вы? – но никто не отозвался.

От углей поднимался жар, наполнявший просторную комнату теплом.

– Если здесь никого нет, может быть и старик – очередной фантом. Тогда зачем спать на улице? Лягу здесь.

Но стоило устроиться поудобнее, и зажмуриться, как внезапная боль пронзила левый бок. Кто-то со всей силы ударил меня под рёбра. Я откатился в сторону и открыл глаза, готовый дать отпор, однако, вокруг царила тишина, пустота и покой. Неужели это очередная необъяснимая штука, из тех, что медленно, но верно сводят меня с ума. Надо было рискнуть, чтобы убедиться, что внезапная догадка верна, и я на мгновение прикрыл веки. Удар не заставил себя долго ждать. В этот раз били точно между ног. Глаза полезли из орбит. Хотелось кричать и ругаться на чём стоит свет, но от боли перехватило дыхание.

– Что за чёрт... проклятье, – я поспешил выбраться из дома и закрыть за собой дверь, и как только это случилось, в доме снова слышались голоса, песни и смех...

До самого рассвета не получалось уснуть. И всё это время из дома доносились обрывки разговоров и песен. Шумная компания гостей-невидимок продолжала свои посиделки всю ночь напролёт. Но стоило только солнцу показаться

далеко на востоке, и голоса смолкли.

Усталость брала своё. Глаза слипались, а мысли начинали замедлять ход. Пережив немало пугающих встреч, я едва ли могу сказать, что испытывал страх. Скорее это было похоже на тревогу. А может быть, это остатки моей логики пытались подчинить происходившее строгому порядку рациональных умозаключений. И от бессильных попыток росла моя досада и дискомфорт. Наверное, так и становятся шизофрениками. Двойственность восприятия разрушала привычную линию поведения и позволяла принимать как данность самые невероятные факты. Ночь близилась к концу. Я лежал на земле, укутавшись в грязное одеяло, и медленно погружался в сон. Из хижины теперь слышался лишь стариковский храп.

– Плохая была идея приехать сюда. Проснусь и буду выбираться.

Вы не задумывались, что в последнее время получаете мало удовольствия от пробуждения? Это городская болезнь. Происходит она от жизни по графику. Работая сменами, периодически ночуя на работе, я напрочь забыл об удовольствии сна. Для меня этот процесс превратился в техническую необходимость. Так же обстояли дела с едой. Поесть и поспать – досадная необходимость. Расстройства сна часто приходилось лечить старым добрым способом: таблетка снотворного на полстакана виски. От такого рецепта моз-

ги скоро превращаются в кашу. Этот побочный эффект меня даже радовал, он позволял заглушать боль и приступы. Может быть, есть и другой, более гуманный метод борьбы с кошмарами и галлюцинациями. Только мне было не до поиска решений. Хотелось просто перестать чувствовать что-либо. Я не уверен, что это легко объяснить. С одной стороны, как медику, мне всё ясно. Случай клинический и требуется немедленно обратиться к специалисту. Изоляция оградила бы от пути разрушения личности и потакания безумию. Умные парни от психиатрии прописали бы лошадиные дозы транквилизаторов, а все заботы на себя принял бы окружной центр для душевнобольных. Весьма кстати, страховка как раз покрывает стационарное лечение. Ирония заключалась бы в том, что, как врач, я полностью согласился бы с таким исходом. А человек во мне всем своим естеством противился и кричал о помощи иного рода.

И вот, я нашёл Эскуро.

– Мистер Кроу, проснитесь, пора принимать лекарство, – мелодичный женский голос вывел меня из оцепенения.

От яркого света неоновых ламп глаза начали слезиться.

– Где я?

– Вы в госпитале Корпус Кристи. Мистер Кроу, меня зовут сестра Глэдис. Сейчас сестра Джулия сделает вам укол, нам бы не хотелось применять силу. Вы обещаете быть панинкой на этот раз?

– На этот раз? Как долго я здесь?

– Это лекарства, у вас могут быть временные провалы в памяти. Можете забыть что-то маловажное. Но память вернётся. Это из-за лекарств. Доктор Моррис прописал вам интенсивный курс. Разумеется, всё для вашего блага.

– Как долго я здесь нахожусь, сестра?

– Не надо так нервничать. Иначе мне снова придётся просить санитаров, чтобы вас пристегнули ремнями. Мы же не хотим этого? – женщина обезоруживающе улыбнулась и коснулась ладонью моего лица.

– Я не понимаю. Это сон. Просто очень много переживаний.

– Понимаю. Это нормальная реакция. Препараты действуют, и вы понемногу начинаете воспринимать действительность. Мистер Кроу, вы поступили к нам год назад. По собственной инициативе. У вас были вспышки агрессии и неприятные видения, галлюцинации.

– С кем можно поговорить? Где лечащий врач?

– Доктор Моррис. Он скоро подойдёт, а сейчас уколы. Вы готовы?

– Да.

Женщина закатала рукав моей рубашки и аккуратно ввела препарат прямо в вену. Я смотрел, как в прозрачный раствор постепенно наполняет катетер.

– А теперь вам нужно поесть. М-м, обед сегодня просто замечательный. Стейк из койота и немного кукурузы. Вы ведь любите кукурузу?

– Что?

– Главное – это *ма'иш*, его мясо отбили палками специально для вас, мистер Кроу.

В следующую минуту обстановка в палате изменилась, я лежал на полу посреди огромной комнаты с бревенчатыми стенами, как в хижине индейца. А передо мной на коленях сидела женщина. Из одежды на ней была только меховая накидка из шкур койотов. Её гибкое тело покрывали рисунки из охры и красной глины. Один глаз был карим и живым, в то время как второй заплыл голубоватым бельмом. Чёрные как смоль волосы были перевязаны шнурком. Всё вокруг казалось естественным и столь разительная перемена места действия не вызывала и малейшего подозрения. Кроме того в животе предательски заурчало. Сколько же я не ел? Мой голод буквально раздирал внутренности на части. Запах зажаренного на костре мяса приятно щекотал ноздри. Я сглотнул слюну.

– Ешь! Тебе нужна сила! *Ма'иш* даст тебе её столько, сколько нужно.

– Койот... это съедобно вообще?

– Кроу... Чёрный Ворон. Разве ты не знаешь? Внутри каждого человека идёт борьба злого койота с добрым. Всегда побеждает тот, которого ты кормишь.

Женщина рассмеялась и неожиданно стала меняться. Черты лица её словно дрогнули, как покрывшаяся рябью водная гладь. И человеческое стало растворяться, уступая

место звериному. В следующую минуту передо мной сидел огромный монстр. Я ощутил, как волосы на затылке начинают шевелиться. Из горла рвался крик отчаянья и ужаса.

Женщина-оборотень поднялась на четвереньках и завывала.

Даже очнувшись ото сна, я продолжал слышать звенящий в ушах вой этой твари. Дыхание перехватило. Так словно пришлось его задержать, чтобы надолго погрузиться в ледяную воду. Уже рассвело. Июльское солнце беспощадно опалило своими лучами всё живое вокруг. Но меня бил озноб, а по спине набегал струйками холодный пот. Воздух с болью выходил из лёгких, меня тошнило, а голова грозила расколоться надвое от боли.

Эскуро вырос чёрной тенью надо мной. Он ждал, пока я приду в чувства и обращу на него внимание. И только убедившись, что мой взгляд сфокусировался на нём, изрёк.

– Ты заблевал моё одеяло. Это невежливо даже для белого человека.

– Сожалею, – это всё что у меня получилось выдать из себя.

– Поднимайся, у нас много работы, Джо.

Было легче сказать, чем сделать. Каждой частичкой измученного тела я ощущал невыносимую боль. А индеец стоял и ухмылялся, вложив в свой колючий взгляд всё возможное презрение. Дневной свет позволил мне рассмотреть его лицо лучше. И кое-что меня впечатлило. У старика были вертикальные, как у змеи зрачки. А цвет глаз постоянно пере-

менялся с тёмно-карего до бледно-жёлтого, словно подстраивался под настроение шамана.

– Трудно ехать на чужой лошади, Джо Кроу! Кроу – на языке твоего народа это птица, «ворон». Ты ещё маленький и глупый ворон. Вставай, я не потащу тебя на своей спине. – Эскуро нарочито громко рассмеялся.

– Я иду. Здесь есть вода? У меня горло пересохло.

– Здесь есть вода. О, да, Маленький Ворон. Но её нужно забрать.

– Забрать? – прилагая нечеловеческие усилия, я поднялся и встал на дрожащих от напряжения ногах.

Ещё через минут десять мы снова шли по пустыне. Солнце раскалённым шаром зависло высоко в небе и беспощадно источало жар. Воздух плавился от жары и растекался струящимися потоками по равнине. Каждый вдох буквально обжигал лёгкие.

– Маленький Ворон. Чтобы оценить вкус воды, нужно испытать жажду. Ты действительно хочешь пить? – Эскуро остановился и посмотрел себе под ноги.

– Да.

– Тогда пей. Видишь эту ямку? – старик присел на корточки и указал пальцем на небольшую рытвину под камнем размером с кулак.

Я опустился на землю и аккуратно заглянул в ямку. К моему изумлению внутри сидела большая жаба.

– Доставай, старую ворчунью, пока она в хорошем настроении. Не мешкай, Маленький Ворон!

К моему удивлению жаба выползла из своей норы и без лишних раздумий пошла ко мне в руки. Я поднял это необычное существо с земли и поднёс к лицу.

– Что теперь?

– Надо её уговорить, чтобы она показала, где спрятана вода. Кто хочет пить, тот и уговаривает. Видишь на её спине бурое пятно? Его надо облизнуть.

– Это мерзко...

– Мерзко? То, что ты сделал с моим одеялом, было действительно мерзко. Если ты не хочешь пить, то мы пойдём обратно.

– Вы ведь не шутите так?

Эскуро пристально посмотрел мне в глаза и после минутной паузы снова рассмеялся своим безумным гортанным смехом.

– Нет, я не шучу.

Жаба раздулась, словно осознавала свою важность. Её тело липкое и тёплое на ощупь подрагивало, как свежий студень. В остальном она могла спорить с индейцем за право называться самым невозмутимым жителем пустыни.

– Ладно. Попробуем. Хуже не будет уже, – я присмотрелся к бугристой коже амфибии и увидел пятно.

Для действия потребовалось чуть больше времени. Скоро я смог собраться духом и распухшим от жажды языком кос-

нулся жабы. В ответ послышалось утробное «ква». Я моргнул и ощутил непривычную лёгкость в голове.

– Иди на запад, за разбитой скалой ты найдёшь старый колодец. А теперь верни меня назад, – я бы мог поклясться, что чётко слышал каждое слово. И голос принадлежал сварливой старушке.

– Чего застыл? Ворчунья просит положить её обратно! – шаман рассерженно топнул ногой, а я, рассыпаясь в извинениях перед земноводным, поспешил положить жабу в её дневное укрытие.

– Она сказала, что нам нужно идти на запад...

– Я знаю, Джо. Я слышал.

– Но вы же не облизывали её спину?

– Это и не надо. Ты же это сделал и так. Ты её задобрил. А чтобы услышать жабу, нужны только уши. Идём.

Та часть меня, что по-прежнему цеплялась за логику, отказывалась воспринимать происходящее иначе, кроме как наркотический бред или транс. Я читал давно в одном из научных журналов, что некоторые виды лягушек выделяют фермент, который в больших концентрациях ядовит, но если дозу существенно убавить, то получится мощный анестетик с побочными психотропными свойствами. А может быть, старик загипнотизировал меня и решил от души посмеяться над доверчивым дурачком. Чтобы не случилось со мной, отступать уже было некуда.

Эскуро шёл рядом и в полголоса напевал слова своего

языке. Ничего общего с пением это не имело и больше напоминало завывание старого пса. Изредка шаман останавливался и обращался ко мне.

– Ты их запомнишь. А потом поймёшь. Так это работает, Маленький Ворон.

– Что? Вы о песнях?

– Да, это слова *динэ*, нашего народа. Многое забыто. Но здесь земля ещё помнит, и она может учить. Твой друг, он умер плохо.

– Сэм?

– Да. Но его здесь держишь ты. Никто не учил тебя, что мертвецов нельзя возвращать, когда они встали на свою тропу и Великий Койот назвал их по имени?

– Я не понимаю.

Эскуро грустно улыбнулся в ответ и покачал головой

Ноги уже гудели от усталости, когда впереди замаячила гряда красноватых скал. Ближайшая к нам гора напоминала разбитый молотом термитник. Жаба не обманула. Ветер и редкие дожди выхолащивали песчаник, пока крепкая на вид громада не обрушилась под весом более твёрдых пород. И всё равно, скопление камней походило на величественную стену затерянного города. Мы обошли эту преграду и почти сразу нашли колодец. Было очевидно, что он давно заброшен. До определённого момента я подозревал, что Эскуро задумал очередной урок для меня, и был осведомлён об этом месте. Просто старику снова захотелось показать

свою силу, только и всего. Но я ошибался.

– Подумать, только. Колодец! – индеец всплеснул руками и запричитал, – О, старая Ворчунья! Мать всех ведьм! Ты над нами решила посмеяться?

– Что-то не так?

– Это плохой колодец. В нём сидит злой дух. Понимаешь? Я пришёл в это место, только для встречи с тобой. И даже не думал, что мы найдём Колодец Слёз.

– Это усложняет задачу. А что на счёт воды? – жара становилась нестерпимой, и тень от нависших скал едва ли спасала.

– Мы уходим.

– Но жаба сказала... – я запнулся, осознавая весь абсурд аргумента, – но здесь есть вода! И я хочу пить.

– Вот как? Ты всё ещё хочешь пить...

Шаман обратил лицо к небу и протянул ко мне руки ладонями вверх. Он отрывисто выкрикивал слова на своём языке. От напряжения на его высоком лбу залегли глубокие морщины.

– Усмиряешь духа, так ведь? – мне не терпелось снять с колодца деревянную крышку придавленную булыжниками.

– *Кв'еэ кин Ма'иш ат'э, Ч'аль! Гоне'э ан'ка доотль'иж!* *Та-та аже'э йанакс'пача йах!* – Эскуро продолжал свою странную молитву, а меня одолевало раздражение.

– Я думаю, надо просто отвалить эти камни и заглянуть под крышку. Если не глубоко, попробуем достать воду так.

А если понадобится верёвка и ведро... Чёрт, если там глубоко, придётся вернуться в дом и поискать что-то подходящее. Сомневаюсь, что осилю переход туда и обратно.

Внезапно Эскуро прервался и посмотрел внимательно мне в глаза.

– Ты уже встречал злого духа, Маленький Ворон? Этот демон приходил в твои сны? Можешь не отвечать. Твои глаза опережают слова, Джо. Вижу, что это не случайно. И вижу, что тьма взывает к твоему сердцу, не меньше чем свет.

– Я смутно помню сны. Приснился кошмар какой-то. Женщина, она превращалась в волка.

– Она была из народа Великого Койота. Одна из ведьм *ма'иш*. Дети Великого Обманщика когда-то жили здесь, пока Говорящий Бог не создал *навахо*. Они знали многое. Научились сами гулять по тропе мертвецов в наш мир. Ей не нужен проводник, «тот, кто помогает душам обрести покой», но ей нужен ты. Зачем?

– Не знаю. Она пыталась накормить меня. Звучит странно, да?

– Странно. Да.

– Ты же шаман, вот и скажи, что делать? Я в этих ваших штуках ни чего не понимаю. Другой на моём месте уже давно слетел бы с катушек, или покончил с собой.

– Великий Койот любит шутить. Он мастер в том, что касается насмешки. И ещё он даёт знание. Это твоё испытание, Маленький Ворон.

– Ты же говорил, что ведьма-оборотень из его прихвостней? Или нет? Я уже совсем запутался...

Эскуро помедлил и продолжил объяснять.

– Мир, который мы видим, сотворили боги. Но им было трудно дать всему существу имена. Тогда и появился Великий Койот и помог. Мы почитаем его за мудрость. Потом на смену Древним пришёл народ *динэ* или, как говорите вы *навахо*. Койоту было любопытно. Он часто подсылал своих сыновей и сам приходил к людям, чтобы узнать нас поближе. Тогда его порочная сущность пробуждалась. Вскоре рождались дети, которые могли видеть глазами койота или волка. Им не было место среди *динэ*. Многие погибли, другие ушли в пустыню. Мы враждовали.

– Вот именно. Почему бы не помочь мне разобраться с этим злом?

– Не перебивай, – шаман хлопнул меня ладонью по лбу и снова заговорил, – Враг не всегда – зло, а зло – не всегда твой враг. Можно постичь тайную сущность плохого человека, чтобы уничтожить его. Можно разгадать загадку Койота, чтобы защититься от злого духа. Если он хочет испытать тебя, придётся постараться, Джо. Иначе ты умрёшь.

– И что теперь?

– Тебе нужно спуститься вниз. И встретиться с духом у входа в Страну Скорби. Это перекрёсток нашего мира и тропы мертвецов. Мы называем такое место Колодец Слёз. Его вода не подходит для питья. Солёная и горькая на вкус,

как слёзы плакальщицы.

– Спуститься и что потом?

– А потом вернуться обратно. Хорошо, если живым, – по лицу индейца было трудно понять, насколько он серьёзен. С его тонких губ не сходила кривая ухмылка, а колющий взгляд карих глаз испод нависающих бровей прожигал насквозь, – Кажется, кто-то хотел пить?

Эскуро снял с пояса маленькую, меньше ладони, фляжку.

– Нет, только не виски.

– Глупый, Джо! Это *пейотль*!

– Мне только не хватает стать наркоманом... – я нехотя принял флягу и открыл крышку, ноздри защекотал характерный запах.

Последний раз эту отвратную вонь я ощущал, когда в реанимацию привезли парочку мексиканцев. Бедолаги хотели поймать кайф, и обпились чая из кактуса пейот до отравления. У новичка он вызывает сильнейшие приступы рвоты, а когда спазмы измучают тело и опустошат желудок, наступает опьянение. Сильные галлюцинации сталкивают разум в пропасть.

– Пей.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Вот и не думай. Пей. Когда ты окажешься там, это единственное, что будет держать тебя в нашем мире. Ты ещё мало знаешь и без *пейотля* можешь не справиться.

– Хуже не будет, – процедил я сквозь зубы в очередной

раз, и сделал глубокий глоток из фляги, но почти в ту же минуту понял, как жестоко ошибся.

Утренние спазмы показались лёгкой разминкой перед тем кошмаром, который я пережил. От одного только глотка меня буквально вывернуло наизнанку. Хотелось орать во всё горло или задушить проклятого колдуна, но сил едва хватало, чтобы не свалиться на землю без чувств. Приступ закончился так же внезапно.

– Хорошо, Джо. Очень хорошо. Ещё один глоток. Теперь будет легче.

– Нет.

– Глупый Ворон. Один глоток, чтобы тело отпустило дух, второй, чтобы дух мог путешествовать. И третий... – старик задумался на мгновение, – чтобы вернуться.

– Значит, ещё два глотка, а не один, чёртов старик!?

– Один или два... А ты хотел вернуться?

– Да! – я залпом влил тёплую жижу из фляги себе в рот и с большим трудом смог проглотить.

В этот раз мой желудок продержался немного дольше. Но в итоге остатки его содержимого выплеснуло на рыжие камни возле колодца.

– Ещё?

Эскуро широко улыбнулся и в знак одобрения медленно моргнул. Вертикальные зрачки расширились, а пространство вокруг заполнили звуки. Крики животных, смех, плач ребёнка и индейская музыка. Я поднёс флягу ко рту и выпил

всё до последней капли. Вопреки ожиданию, ощущения были абсолютно новыми и приятными.

– Это мой рецепт, Джо. Такого ты больше нигде не попробуешь, если, конечно, сам не научишься готовить. Если, конечно, вернёшься, чтобы учиться.

Шаман без особого труда откинул крышку колодца и большим пальцем правой руки указал на зияющую дыру. Снизу пахло сыростью.

– Нет, я передумал. Мне не хорошо, сэр, – голова и в самом деле страшно заболела, в ушах стоял звон, а по лёгким словно растекалась кипящая смола. С каждым вздохом я всё больше терял контроль над собой. Скоро не осталось сил держать равновесие и ноги сами собой подкосились.

Индеец склонился ко мне и зашептал на своём наречии. В его руке блеснуло лезвие ножа.

– А теперь, Джо Кроу, ты умрёшь.

Острая боль пронзила сердце. Крик ужаса перешёл в затихающие хрипы. Кромешная тьма оглушила и проглотила меня без остатка.

Постепенно возвращались чувства. Это были не привычные ощущения физического тела.. Нечто сродни сну, в котором ты медленно начинаешь догадываться, что происходящее вокруг нереально. Тонкий звук невидимой струны, пробуждающий душу. Люди – дети двух миров способные видеть суть вещей и управлять ими. И осознание собственного

могущества даёт нам неограниченные силы. В любую минуту можно научиться летать или сразиться в одиночку с полчищами кошмаров. Всё подчиняется прихоти спящего творца.

Я не мог видеть. Но был уверен, что вокруг крошечная тьма. Вязкая и струящаяся. Идеальная чернота без времени и границ заполняла пространство вокруг меня. Беспокойная мысль: «А что если открыть рот? Я захлебнусь тьмой?» Но тревога скоро угасала. Открыть глаза всё ещё не получилось. Только сильнее ощущалась глубина этого космоса. Сколько длился дрейф в чёрном безмолвии, не знаю. Это могла быть и вечность, и мгновение.

Пробуждение получилось резким и ошеломляющим, как удар ледяного ветра в лицо. Заныли рёбра, как после игры в футбол. В колледже у меня был подобный печальный опыт. Тогда пара мощных ударов в грудную клетку на долгое время отбили интерес к спорту. Скорее всего, наркотик вызвал паралич. Я упал на острые камни и...

– Эй, *омбрэ*, вставай. У тебя мало времени. Ты не похож на обычного *гринго*. Индеец?

Голос принадлежал молодому мексиканцу. Судя по акценту и смеси английских и испанских слов в его речи, можно было представить обычного трудягу нелегала с юга.

– Мне нельзя тебя трогать, Джо. Вставай сам.

Я открыл глаза и понял, что лежу на животе, а подо мной насыпь из гравия. Невысокий холм три на семь футов. Меня угораздило растянуться поперёк него и хорошо, если кости

остались целы. Чтобы подняться потребовались некоторые усилия. К моему удивлению холм оказался аккуратной могилой. У изголовья возвышался массивный деревянный крест. Местность казалась знакомой. Однако, вокруг не нашлось ни чего и близко похожего на разбитую скалу, колодец или домик навахо. Зато, буквально в шаге от креста проходило шоссе. Дорога рассекала пустыню на две равные части.

У обочины меня поджидал невысокий парень в чёрной кожаной куртке. Рядом с ним поблёскивал металлическими деталями новенький «виктори». Разобраться в марке мотоцикла помог фирменный логотип. Незнакомец перехватил заинтересованный взгляд и одобительно улыбнулся.

– Это моя малышка! Она послушная и ни разу меня не подвела, *амиго*. Понимаешь?

– Тео? Это ты Теодор, сын миссис Лурдес и Лоренцо Нунес? – внезапная догадка слегка удивила меня.

– Он самый, сеньор доктор. Не сомневался, что вы узнаете меня. Вы добрый человек, молитвы были услышаны, – парень перекрестился и коснулся пальцами губ, – Теодоро Виторио Нунес и Марко, сечёшь, мужик? Мы с моей малышкой идеальная пара. Виктор и «Виктория»!

Парень засмеялся собственной остроте. В ответ я выдал лишь подобие улыбки. Труднее всего воспринимать чужой юмор, когда сам по уши увяз в не пойми чём.

– Где мы? – окружающая природа настораживала. При ярком свете дня не ощущалось тепло, и не было видно солнца.

– *La Carretera de los muertos.*

– Дорога мёртвых. Получается, что я умер?

– Откуда мне знать? Я только пришёл отдать долг.

– Хорошо. Допустим, я не умер, значит, у Эскуро получилось меня отправить в мир духов, чтобы я нашёл ведьму на вахо. Нашёл и... Чёрт! Шаман не сказал, что делать потом.

– Это твоя игрушка, Джо?

Прямо у меня под ногами лежал длинный нож с широким лезвием, такой же носил с собой Эскуро. Без особых раздумий я поднял оружие с земли. Рукоять идеально легла в ладонь. Металл не отбрасывал бликов и напоминал дождевую лужицу, осыпанную серым песком.

– Да, это мой нож.

– Торопись. Сядешь за мной, *омбрэ*. И не вздумай поцарапать своей железкой мою девочку.

Мир мёртвых или его преддверие. Всё, на что падал мой взгляд, едва уловимо изменялось и преображалось с каждой секундой. Небо налилось пунцовыми красками с золотыми прожилками. Линия горизонта странным образом уходила вверх, нарушая любые мыслимые законы физики. А может быть, мы находились внутри огромного кратера. Когда мотоцикл завёлся я услышал рёв мотора, но не почувствовал запах выхлопа. Здесь, в принципе, не ощущались запахи. Определить сторону света без солнца не получилось, и выбор направления я доверил своему провожатому.

– Не оглядывайся. Запомни, нельзя оборачиваться! – па-

рень кричал, но его голос тонул в шуме двигателя.

– Что? Ты говоришь? Не оборачиваться?

– Да, Джо! Ни за что. Иначе конец.

Мы ехали и ехали. За прошедшее время я успел многое обдумать. Вспоминались последние события. Встреча с индейцем. Потом мысли невольно выдернули из памяти образы далёкого прошлого. Мои родители. Луи и Марси Кроу усыновили меня в Арканзасе. Мы перебрались в Техас через десять лет. А ещё год спустя мама умерла от рака. Тогда я решил, что стану врачом. Отец стал пить и очень скоро опустился. Больно и страшно видеть, как близкий человек теряет себя. Хотя, я знал его в лучшие времена. И, как мог, старался сохранить это впечатление. Несмотря на условное родство, мы с ним были очень похожи. Однажды, он обмолвился, что стало с другими моими родителями – погибли в пожаре. Служба опеки нашла сводного брата по отцу. Луи не мог иметь детей, и они с женой сразу согласились меня принять. Я не помнил этого. Но сейчас, все забытые картины прежней жизни, словно высвечивали фонариком в тёмной комнате.

Теодоро затормозил и остановил байк.

– Здесь. Дальше мне не проехать.

– Дорога открыта, в чём проблема?

Но парень не ответил. Тео застыл, как восковая фигура в музее, ожидая пока я слезу с сиденья.

– Окей, парень... И на том спасибо. Удачи.

– Это я тебе благодарен, *омбрэ*, – мексиканец показал мас-

сивную печатку на безымянном пальце левой руки, – и это тебе понадобится удача. *Adios, te deseo buena suerte!*

Как только мои подошвы коснулись земли, «Виктория» хищно рыкнула. Я отошёл немного в сторону, и захотел было обернуться.

– Не вздумай даже! *Vete al carajo, gringo!?* – окрик был грубый, но вынудил меня подчиниться.

– Да, я понял.

Теодоро развернул мотоцикл и уехал обратно. Очень скоро все звуки стихли, а я продолжил свой путь по Дороге Мертвецов.

Пейзаж вокруг растекался, будто смоченная водой акварель. Открытая равнина в любую минуту могла стать каньоном или причудливой горой. Цвет, форма, содержание – абсолютно всё лишилось устойчивости. Мелочи, которые убеждают нас в реальности происходящего, словно специально воспроизводились с точностью наоборот или вовсе исчезли. Только дорога неизменно тянулась вперёд.

В голове моей роились мысли. Громкие и чёткие, как разговоры живых людей. Большая их часть звучала глупо и наивно. Но некоторые звучали удивительно чётко и чуждо. Они говорили со мной на языке *динэ*, но смысл от этого не терялся. Возможно, Эскуро был прав. И теперь открывается некое знание его народа. Если только, всё это не сон, вызванный наркотиком.

Большинство моих коллег искренне верят, что мозг уми-

рающего рождает яркие картины и образы из-за кислородного голодания. Так объясняют видения тех, кого удалось реанимировать. Галлюцинации наркомана или сумасшедшего связаны напрямую с химическими процессами и разрушением нейронных связей. Всё логично и понятно. Пока ты сам не переживаешь нечто подобное. Мой собственный опыт давно переступил черту здравого смысла. Пройдя долгий путь от депрессии и заикленности на смерти, я ощутил потребность в поиске новой опоры. И старый добрый мистицизм оказался убедительнее тысячи научных изысканий. Чем ещё объяснить поразительную восприимчивость, с которой я стал впитывать знания о потустороннем? Более того, встреча с индейцем запустила скрытый потенциал. А может быть, весь фокус в точке зрения. То, что мне кажется быстрым – тянется долгое время.

Я старался настроиться на этот неторопливый ритм внутренних диалогов но, вдруг, услышал музыку. Простая, и, вместе с тем, не лишённая стройности мелодия звучала совсем близко. Свирель монотонно повторяла один и тот же музыкальный рисунок и звала за собой. Прямо передо мной вырос высокий подъём. На восхождение по нему ушло бы много времени. Впрочем, на Тропе Мертвецов времени не существует.

От увиденного с вершины перехватило дух.

Местность преобразилась в очередной раз. До самого неба поднимались стеной красные горы. Дорога упиралась в них.

И в том месте, где шоссе вплотную подступало к гряде, образовался естественный проход, узкое ущелье.

– Эй, Джо, не ходи туда! – голос Теодоро я узнал сразу.

От неожиданности я почти обернулся, но вовремя замер; и молча продолжил идти к ущелью.

– *Омбрэ*, это опасно. Там – смерть. Поворачивай, я отвезу тебя домой.

В голосе недавнего знакомого угадывалось раздражение.

– Ты, же не думаешь, что тебе это сойдёт с рук, *гринго*!?
Обернись!

Я прибавил шаг.

– Обернись! – это был не человеческий голос.

Спина похолодела от ужаса, а ноги буквально одеревенели. До прохода оставались считанные метры.

– Джо, на помощь! Оно убьёт меня! – и это кричала Кэтлин, её истошные вопли отозвались болью в моей голове – Ты снова бросаешь меня! Будь ты проклят!

Не видя происходящего позади, я почему-то представил, как нечто огромное настигло женщину и рвёт в клочья живую плоть. Воображение изобразило всё ярко и омерзительно: звероподобная тварь с головой волка вгрызается в горло Кэтлин. Её агония и мольбы о помощи развязали узел самых глубоких и болезненных чувств. Мои силы быстро истощались, и каждый шаг давался с большим трудом. А тварь позади меня продолжала свой дикий спектакль.

Рука произвольно стиснула рукоять ножа.

– Эй, Джо! Сходишь с ума, дружище? Ты когда перестал принимать таблетки, которые я тебе советовал? – теперь Сэм, чей призрак не давал мне покоя последний год – Всё это дурная фантазия. Просто посмотри правде в глаза. Идём со мной. Тебе нужна помощь специалиста.

Несколько раз менялись интонации, менялись и люди, говорившие со мной, уговоры уступали место угрозами, но стоило мне зайти под своды скал, и весь этот морок разом исчез. В ущелье царил полумрак. Снова я услышал игру свирели. Музыка звучала успокаивающе. Постепенно возвращался самоконтроль и понимание. Нечто злое пришло, чтобы отвлечь меня от главной цели этого путешествия. Теперь было ясно, о чём предупреждал Теодоро.

Впереди забрезжил яркий свет и очень скоро я выбрался в необычную пещеру, просторный зал с высоким потолком. Свет проникал через круглое отверстие наверху. В стенах были глубокие ниши или двери. Само место отдалённо напоминало заброшенные города индейцев пуэбло. В голове пронеслась мысль: «Заброшен, но не покинут...»

– Так и есть, здесь много жителей, Джо. Ты кого именно ищешь? – из ниши вышел мужчина.

Высокий с обритой головой он был одет в обычные джинсы и клетчатую рубашку. Лицо не получалось разглядеть сразу. Речь незнакомца звучала чисто и без акцента.

– Здравствуйте, мы знакомы?

– Привет, Джо, – тонкие губы растянулись в самодоволь-

ной ухмылке, – можно считать, что мы знакомы с самого твоего рождения.

– Вы знали моих родителей?

– О, да. И их тоже. И родителей твоих родителей. И намного дальше.

– Кто вы?

– Стыдно иметь голову на плечах и так редко ей пользоваться, Маленький Ворон, – он засмеялся и сделал навстречу несколько шагов, – Пришёл ко мне домой с ножом в руке. Хочешь убить кого-то из моих детей?

– Я пришёл к ведьме. Она сама явилась ко мне во сне.

– Анасази... бедная моя дочь. Что бывает с ребёнком, который слушается родителей и возьмёт спички, чтобы самостоятельно разжечь огонь в камине?

Вопрос застал меня врасплох. Откуда этот человек мог знать, если и я сам вспомнил об этом только, когда оказался здесь? Тот проклятый пожар, унёсший жизни моих родителей не был случайностью. Я просто постарался забыть о своей вине.

– Ты и есть *Ма'иш*. Теперь я понимаю. Что я должен сделать?

Сущность зверя в нём выдавали глаза. Они светились фосфорическим блеском. Великий Койот медленно подошёл и встал напротив. Хищная улыбка теперь напоминала оскал.

– Удиви меня, Джо.

Великий Койот не отводил взгляда, он снова оскалился, обнажая ряд ровных острых зубов. От затянувшейся паузы вокруг повисла непроницаемая тишина. Пространство дрогнуло. Тьма из ниш и дверей, высеченных в скалах, стала вытекать и заполнять пещеру. Свет растворялся и таял, уступая место гнетущим сумеркам.

– Моя дочь приближается, – голос нелюдя прозвучал глухо и отрывисто, – Она нарушила запрет. И дух её привязан к этому месту.

– Что она сделала?

– *Адагаш* мечтает стать *йи'наалджушии*, а месяц – обратиться в луну. Человек завидует зверю. Анасази была знахарем, но однажды захотела большего.

– *Адагаш*... ведьма... *йи'наалджушили*... тот, кто ступает на четырёх лапах – оборотень, – я не мог объяснить, откуда пришло это знание, но образы в голове складывались из пёстрых осколков мозаики в цельную картину, – Она принесла жертву?

– Да, Маленький Ворон, она убила своё дитя.

– Зачем?

– Смертные всегда мечтали стать немножечко богами. Но дым от костра никогда не станет облаком и не родит дождь. Она проклята. Я хочу, чтобы ты прекратил её мучения. Если сможешь, то сила станет твоей.

– Мне не нужна эта сила.

В ту же минуту дух Великого Койота исчез. Погружённая

во тьму пещера озарилась ярким светом. В самом центре вспыхнуло жёлтое пламя. Перед огнём склонилась фигура. Высокая и гибкая женщина с длинными волосами раздувала угли костра, появившегося ниоткуда. Её тело было полностью обнажено. И самое странное – она отбрасывала тень. Чёрное пятнышко на полу сопровождало каждое её движение. Однако, форма ни разу не повторила точных очертаний. Неужели она смогла утащить в загробный мир что-то из прежней жизни.

– Анасази? – я окликнул ведьму и постарался прозвучать уверенно.

Рукоятка ножа показалась предательски скользкой. От напряжения костяшки пальцев побелели. В такие моменты страх диктует действия, а разум безвольно следует за инстинктом выживания. Мои рефлексывали простой вариант – напасть внезапно. Всадить лезвие между лопаток и покончить с проблемой раз и навсегда. Ведьма. Оборотень. Детоубийца. Тем более она давно мертва, а здесь лишь некоторая часть её духовной оболочки. Мгновения растягивались, будто капли чёрной смолы. Женщина не обращала на меня никакого внимания и продолжала возиться у костра.

– Эй! Я знаю, кто ты. И я пришёл, чтобы... – слова повисали в воздухе, а вся решимость вмиг улетучивалась, – чтобы разобраться...

Слух уловил неясный шёпот. Анасази монотонно повторяла фразы на языке навахо. И, хотя, её наречие отличалось

от услышанного мною раньше, смысл угадывался безошибочно.

– Тот, кто ходит на четырёх лапах. Тот, чьи глаза ищут луну. Тот, кто забыл своё имя. Тот, кто отдал родную кровь. Тот, кто меняет шкуры. Тот, кто крадёт души...

От её ровного и приглушённого голоса становилось не по себе. Я обошёл по кругу и встал напротив костра. Теперь лишь пара футов и поднявшееся в рост человека пламя разделяли нас.

Анасази была прекрасна. Но в красоте этой женщины сквозила дикость. Её глаза отсвечивали зеленоватым огнём, как у Койота. По лицу блуждала безумная улыбка. В остальном она целиком и полностью напоминала девушку из моего кошмара. Ту самую, что пыталась накормить меня сырым мясом.

Мне не хватало мужества и злости, чтобы ударить безоружную женщину. Хотя, внутренний голос буквально вопил о смертельной опасности.

Взгляд скользнул на пол пещеры, где странная тень трепетала и двигалась, намного активнее, чем сама ведьма. Ритм и экспрессия напоминали танец. И вот тёмная клякса, растёкшаяся по каменному полу, перескочила на одну из стен. Теперь пляска продолжилась в ускоренном темпе. Я боковым зрением продолжал следить за женщиной.

Дочь Койота оставалась неподвижна, она сидела на коленях, и лишь слегка покачивалась из стороны в сторону. Тогда

всё внимание переключилось на игру теней. Движения поначалу плавные, скоро стали напоминать эпилептический припадок. А когда действие достигло предела безумия, фигура вдруг начала быстро расти, горбиться и припадать к земле на четыре конечности, больше похожие на лапы. Леденящий душу вой вывел меня из гипнотического оцепенения. Пламя выстрелило снопом искр под потолок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.